

Вет. Ленинград, -1988, -30авг

О бесправии и достоинстве

В нашем городе заканчиваются гастроли Уфимского русского драматического театра. Из богатого и интереснейшего репертуара наиболее внимательно ленинградцев привлекли два спектакля — «Черная» комедия Кобо Абэ «Друзья» и недавно вернувшаяся к нам из 1930 года комедия М. Зрдымана «Самоубийца». О них сегодня наш разговор.

Личность, лишенная прав и добывающаяся их приобретением, — вот тема, звучащая в обоих спектаклях. Что может быть актуальнее для нас сегодня, когда все очевиднее и необратимее становится поворот от безличного «мы» к конкретному «я»? Сам репертуар уже обязывает театр к правдивому и суровому разговору о наиболее болезненном. Насколько это уместно коллективу — вопрос непростой.

Притча о незадачливом Молодом человеке, ставшем очередной жертвой некоего семейства лжеальтруистов, звучит сегодня, пожалуй, гораздо острее, чем несколько лет назад (когда мы впервые прочли пьесу «Друзья»). Та ситуация, при которой с помощью прекраснотушных сентенций о любви к ближнему и общем благе тебя могут не только выжить из собственного дома, но и полностью лишиться права на существование, уже не представляется нам ни абсурдной, ни фантастической. Сарказм японца Кобо Абэ сегодня для нас как нельзя более актуален, и остается лишь пожалеть, что облегченно-комедийное прочтение пьесы театром (режиссер Б. Михин) побавило в ней социальной остроты. Живая, но несколько «капустническая», балаганная атмосфера спектакля несомнима с тем ощущением страха, что разлит в пьесе. Здесь все случившееся предстает как ряд забавных недоразумений, отсутствие эксп-

ли-энда ставит зрителя, незнающего с пьесой, в тупик.

Надо отдать должное исполнителю главной роли И. Капотову — актер стремится обнажить драматизм положения своего героя, он ведет роль не вполне ровно, но за счет страстности обретает долю зрительского участия. Этого, к сожалению, нельзя сказать о других исполнителях. Семейство, столь бесцеремонно вторгшееся в жизнь героя, остается загадочным, похоже, не только для Молодого человека, но и для актеров. Кто эти люди — заурядные проходимцы или воплощение некой всемогущей силы? Ведут ли они сами, что творят? Почему они ломают комедию не только перед Молодым человеком, но и друг перед другом?.. Эти вопросы остаются открытыми.

Гораздо серьезнее и ответственный театр подошел к постановке «Самоубийцы» Зрдымана (режиссер М. Рабинович). Пьеса уже знакома ленинградцам, но, несмотря на это, спектакль уфимцев стал для зрителей, можно сказать, откровением. Чем, казалось бы, нас удивить сегодня? Ведь известно, что в 1930 году произошли уже события страшнее, чем фарс с мнимым самоубийством «маленького человека», безразличного Подсекальникова. Однако тема бесправия и бессилия человека воплощена в спектакле настолько четко, судьба Подсекальникова так выстрадана постановщиком и исполните-

лем главной роли Ю. Кармановым, что спектакль, безусловно, по-настоящему волнует, заставляет вспомнить и о контексте появления пьесы.

Ситуация парадоксальна: лишь в ожидании смерти (а точнее — в состоянии какой-то легкомысленной игры в предстоящую смерть) Подсекальников обретает «признание» у окружающих, вспоминает о своих правах, ощущает хоть на мгновение себя человеком. Ю. Карманов порой блестяще передает манерность своего героя, безудержные эмоциональные перепады его состояния. Особенно красноречива картина духовного «взлета» Подсекальникова — «акция» его резко растут в цене, и он уже ощущает себя неким «колоссом» (что остроумно подчеркнуто в сценеграфии Е. Иванова — в интерьере вписываются верхние и нижние части гигантских атлетов, знаменуя перемены в судьбе героя).

Выразительно и окружение Подсекальникова — модель собирательного «общества», озабоченного извлечением выгоды из предстоящего самоубийства. «Гримасы» этого общества убедительно передают актеры Д. Минеев, Л. Бенин, В. Елифанов, А. Федерев.

Монолог прозревшего и «воскресшего» Подсекальникова вызывает немалый резонанс в зале, привнес в спектакль публицистическую ноту. Как бы ни был жалок и смешон этот человек, зритель ощущает в его словах о «тихой жизни» и «приличном жалованье», о «праве на шепот» не идеал мещанина, а возмущенное достоинство. Это истстрадавшееся и униженное «я» прорывается в человеческой душе.

Безусловно, не подсекальниковы выходят сейчас на «передний край», но их проснувшееся чувство собственного достоинства — то, без чего невозможны никакие перемены. И театр нам вовремя об этом напомнил.

М. МАКСИМОВ